

более значительному. Стоит также сказать, что, несмотря на то, что роман был вычеркнут писателем из его канона, все же «Рождение мыши» является важной вехой в творчестве Ю. Домбровского. Для читателей и исследователей этот роман представляет интерес в плане становления и развития идей и художественной мысли писателя. Форма романа в повестях и рассказах как раз и подчеркивает, на наш взгляд, эту предварительную работу писателя, кристаллизацию того содержания, которое затем найдет выражение в более совершенных с художественной точки зрения романах: «Обезьяна приходит за своим черепом» и дилогии «Хранитель древностей» и «Факультет ненужных вещей». Роман стал для писателя завершением темы войны и прообразом автобиографической дилогии. Также его художественная ценность проявляется и в нестандартных для Домбровского жанре и тематике

ЛИТЕРАТУРА

1. Быков, Д.Л. Цыган. Факультет прекрасных вещей Юрия Домбровского / Д.Л. Быков // Домбровский, Ю.О. Избранное. В 2т. / Юрий Домбровский; предисл. Дм. Быкова – М.: Книжный Клуб 36.6, 2009. – С. 5-16.
2. Домбровский, Ю.О. Рождение мыши: роман в повестях и рассказах / Юрий Домбровский; [предисл. Д. Быкова]. – М.: ПРОЗАиК, 2012. – 512 с.
3. Домбровский, Ю.О. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 2. (Ред.-сост. К. Турумова-Домбровская. Худ. В. Виноградов) – М.: ТЕРРА, 1992. – 464 с.
4. Домбровский, Ю.О. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 4. : Роман «Хранитель древностей»; Приложение; Комментарии / Ред.-сост. К. Турумова-Домбровская. Худ. В. Виноградов – М.: ТЕРРА, 1993. – 400 с.
5. Домбровский, Ю.О. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 5. (Ред.-сост. К. Турумова-Домбровская. Худ. В. Виноградов) – М.: ТЕРРА, 1993. – 704 с.
6. Набоков, В.В. Лекции по русской литературе. Приложение // ВикиЧтение. [Электронный ресурс]. URL: <https://lit.wikireading.ru/43287> (дата обращения: 08.05.2020).
7. Сурат, И. Другой Домбровский // Журнальный зал – русский толстый журнал как эстетический феномен [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/october/2011/8/drugoj-dombrovskij.html> (дата обращения: 08.05.2020).

К. И. Морозова (Россия, Самара)

ПОЭТИКА РАССКАЗА А. К. ГОЛЬДЕБАЕВА «КРАНТ»

Статья посвящена анализу рассказа А.К. Гольдебаева «Крант», увидевшему свет в 1911 году, с позиций концепции «точек зрения» в литературном произведении. Предпринята попытка раскрытия глубинного смысла рассказа, который скрывается за внешней темой изобретательства. Гольдебаев, чьё творчество пришлось на период рубежа веков, времени, когда происходили «тектонические сдвиги» в понимании традиционных для философии проблем, и складывалось и развивалось новое видение мира, поднимал проблемы

мнимого патриотизма и противостояния западников и славянофилов. Безусловно, всё это оказало значительное влияние на поэтику рассказа.

Ключевые слова: *А. К. Гольдебаев, крант, изобретательство, нарратив в нарративе, западничество, славянофильство.*

Александр Кондратьевич Гольдебаев (Семёнов) (1863-1924) – самарский писатель и редактор «Газеты для всех» (с 1911 года – «Самарская газета для всех»), творчество и биография которого до сих пор остаются малоизученными. Тематика его произведений достаточно широка. Так, рассказ «Крант», увидевший свет сначала на страницах журнала «Образование», а чуть позже – в томе третьем «Рассказов», опубликованном в Петербурге, в издательстве М. И. Семёнова, в 1911 году, посвящён изобретательству.

Фабула рассказа следующая. Рассказчик, присяжный заседатель Александр Андреич, услышал от своего коллеги, Петра Петровича Б., историю о талантливом инженере-самородке Миньке Моргуне (Михаиле Свистунове), который изобрёл крант – медную трубку, напоминающую формой усечённое веретено. Предполагалось, что этот автоматический купор облегчит лимонадчикам и пивоварам работу по разливу напитков. Собственно, сам Пётр Петрович Б. узнал о мастере-самоучке во время обеда у директора завода, недавно вернувшегося из заграницы, где ему приглянулась «какая-то чудная пробка или затычка». Один из гостей прервал восторженный рассказ о западном изобретении и поведал о простом русском слесаришке, смастерившем «действительно чудную вещь». Участники обеда посылают за Минькой. Изобретатель приезжает и приносит тот самый крант. Инновация приводит директора в восторг, и он просит оставить пробку ему для дальнейших испытаний и возможного внедрения. После обеда рассказчик, Пётр Петрович Б., отвозит изобретателя к нему домой. Он знакомится с семьёй Свистуновых, живущей в нужде из-за любви отца семейства к изобретательству и нежелания идти работать на завод, где зарплату выплачивают стабильно. Пётр Петрович убеждает супругу Миньки, что скоро их жизнь изменится к лучшему. Завершается повествование Петра Петровича Б. сообщением о том, что сегодня, по дороге в суд, он повстречался с директором завода, который только что вернулся из очередной заграничной поездки. На специальной фабрике в Ньюе-порте (так название города запомнил Пётр Петрович Б.) директор заказал импортных автоматических пробок. Завершив свой рассказ, Пётр Петрович задаёт коллеге-заседателю (а вместе с тем – рассказчику) вопрос о причине такого поступка директора, почему он предпочёл заграничную пробку «дивному купору» Миньки-Моргуна: «...что это за причина, ей Богу не знаю!.. Уж не различие ли по существу между русским человеком и «иностранцем»? Как вы думаете?» [1, с. 124-125]. Но рассказчик Александр Андреич не успел ответить, так как «богиня правосудия призвала наконец и его судить ближнего».

А теперь скажем несколько слов о поэтике рассказа «Крант». Но прежде подчёркнём: «Крант» был написан А. К. Гольдебаевым после многочисленных уроков, преподнесённых его автору такими художниками слова, как А. П. Чехов, В. Г. Короленко, А. М. Горький, А. Р. Крандиевская и некоторыми

другими, в один голос указывавшими Гольдебаеву на необходимость писать так, чтобы «словам было тесно, а мыслям просторно» и т.п. Как нам представляется, может быть – и не все, но некоторые из этих уроков были автором «Кранта» усвоены, и усвоены достаточно твёрдо.

Как уже было сказано, фабула рассказа довольно проста, чего не скажешь о его «внутреннем устройстве», с точки зрения которого рассказ представляет собой нарратив в нарративе, где в качестве первого и так сказать «внешнего» нарратора выступает некто Александр Андреич (это он был призван «в качестве присяжного заседателя <...> судить ближнего», где и услышал историю Миньки-Моргуна), а вторым, «внутренним», нарратором является «один из начальников местного железнодорожного управления» Пётр Петрович Б., участвовавший в обеде у директора пивоваренного завода, где сначала было рассказано об изобретателе-самородке, а потом явился и он сам, провожавший изобретателя Миньку домой и т.д., и наконец – вновь встретивший позабывшего о Миньке и его «кранте» директора завода. Но и помимо этих двух нарраторов в структуре повествования «Кранта» есть другие – третьи, четвёртые и т.д. носители точек зрения и нарраторы со своими собственными «избытками видения» и особенностями последнего. Так, о существовании изобретателя-самородка на обеде о директора впервые упоминает некто Николай Иваныч Горлов, «один из крупных чиновников монополии, худенький такой, бледный, узколицый, с небольшим тиком в левой щеке, от которого у него рот немного перекашивается». С рассказом Горлова соглашаются (или – не соглашаются) его слушатели – директор завода и его гости, участники обеда, обладающие своими точками зрения на происходящее. Есть своя точка зрения и у самого «самородка» – Миньки Свистунова, и он также по-своему пытается донести её до других героев и читателя. Наконец, нельзя не принять во внимания точку зрения Минькиной жены, также включённой в число не просто бессловесных героев, а героев думающих и озвучивающих свой взгляд на вещи и свою позицию. Таким образом, на страницах одного небольшого рассказа читатель «Кранта» сталкивается с семью различными трактовками предмета и проблемы, вынесенной Гольдебаевым в название его произведения – Александра Андреича, Петра Петровича Б., Николая Иваныча Горлова, директора, его гостей, Миньки-Моргуна и жены последнего. Остановимся на каждой из этих точек зрения, начнём же с последней из них.

Так, с точки зрения жены Миньки-Моргуна крант – очередное бестолковое изобретение её мужа, которое перекрывает путь к лучшей жизни. «<...> каждую неделю шлют за ним по несколько разов то с заводов, то из депо: иди-ста, работай, два целковых, два с полтиной подённых, да выгоды от сделанных с эстолько же!.. Не желает!.. В монтеры зовут, – сто рублей жалованья, квартира, отопление, проценты от большего ремонта... Не хочет!.. А случается, что иной раз и на муку денег нет, – выпрашивать приходится» [1, с. 122], – рассказывает о своих переживаниях Свистунова Петру Петровичу Б. Свистунова была бы счастлива, если бы её муж был простым работягой, а не гением-изобретателем и больше думал о благополучии своей семьи. Но после беседы с Петром Петровичем отношение женщины к «кранту» меня-

ется, он как бы впускает новую струю в отношения супругов (Свистунова «быть может впервые в супружеской жизни решила помешать работе мужа, чтобы обнять его умную голову, счастливо ресцеловать его серьёзное лицо» [1, с. 123]) и приоткрывает поток новой жизни.

Иначе смотрит на эти вещи Минька-Моргун. Вообще, сам он достаточно молчаливый, поэтому его отношение к действительности раскрывается больше через слова «внутреннего» нарратора Петра Петровича Б. Судя по описанию поведения Миньки, для него крант – лишь один из трофеев его интеллектуального труда. Когда Пётр Петрович подвозил после обеда изобретателя до дома, то у него сложилось впечатление, что Свистунова «не интересуется участием “кранта”». Он получил свою минуту славы, овации и «жил уже иным, ещё незавершённым... Быть может, это был карборизатор, рассказывая о котором у директора, Минька сверкал глазами» [1, с. 120]. Куда вечно торопится Минька? В свою мастерскую-лабораторию, чтобы засесть над очередным «крантом». В чём цель его изобретательских рвений? Да он и сам не знал этого. Он просто делал то, что ему нравится. При этом слесарь понимал, что его семья страдает, но при этом был замкнут только на себе и готов день и ночь корпеть над очередным изобретением.

А вот директор и его гости придерживаются иной позиции. Для них крант – просто предмет обсуждений, и не более того. Ведь у собравшихся за обедом у директора завода есть время для праздных рассуждений. «А ведь простая штука!», – выносит изначально вердикт директор. Сама личность Миньки доверия у них тоже не вызывает. Вероятно, из-за его низкого социального положения и отсутствия соответствующего образования. «Ты, малосведущий юнец, послушай людей знающих», – поучает директор. Интерес к Миньке и к его чудо-кранту увеличивался вместе с количеством выпитого. В хмельном тумане крант уже не казался директору «простой штукой», теперь он восхищённо называл его «дивным купором». Вместе с тем крант становится предметом разногласий между западниками и славянофилами: директор завода не больно-то верил в русскую смекалку, да и вообще в силу русской мысли и творческий потенциал, даже Миньку он с пренебрежением называет «этим Эдиссоном»; недоверием ко всему русскому объясняется и то, как легко из памяти директора стёрся эпизод с крантом, который помог бы ему прилично сэкономить. Оппонентами директора выступают некоторые из его гостей, убеждённые в том, что «Эдиссон» Минька может изобрести «крант», который не уступит западным аналогам.

Особый взгляд на эти вещи принадлежит герою по фамилии «Горлов». Он весьма патриотичен и готов жарко отстаивать честь и достоинство любого отечественного кранта перед любой западной безделушкой. Горлов особо не вдаётся в технические характеристики чуда-изобретения, ведь, являясь крупным чиновником по монополии, он мог бы давно пристроить крант на своём винном заводе. Горлов и вспомнил пробку только во время обеда и сразу же перевёл стрелки на своего инженера-технолога. «Какое мне дело, да и с какой стати?! Но если бы он передо мной стал восхвалять какую-нибудь нахальную пробку, я бы не преминул воскипеть негодованием и ткнул бы ему под нос Минькой!» [1, с. 114]. Горлов

не стремится к объективной оценке, по его мнению – всё русское априори лучше западного. Тема о перспективном иностранном изобретении настолько его взволновала, что он постоянно путался, называя его то «немецкой выдумкой», то «гамбургской пробкой», то «браденбургской пустяковиной». Собственно, он и не старался запомнить страну-производителя, в его сознании существовали только Россия и все остальные страны. Чем он ничуть не отличался от гостей директора, так это отношением к самому Миньке. Как и остальные господа, он не смог смириться с мыслью, что какой-то простой необразованный мужик мог быть способнее, чем они – элита общества. «Какой, к чёрту, гений! Просто кустарь-слесарь... Замки чинить, самовары лудить, разную мелочь у наших заводских машин исправляет... Гений!.. Какой он гений!.. Просто Минька-Моргун, слесаришко!..» [1, с. 112], – бурно доказывал он заурядность Свистунова одному из участников обеда.

Точка зрения Петра Петровича Б. прямо противоположна точкам зрения всех собравшихся. Ему крафт абсолютно безразличен (он не понял «специфического восторга по поводу какой-то затычки»), а вот персона самого изобретателя трогает его до глубины души («Вот счастливец, которому должны бы завидовать все мы, не знающие ни его трудов, ни его лишений; вот чудо, которое выше и драгоценнее всех чудесных изобретений своих и чужих, – вот человек, хранящий в наше холодное время искру Божию!..» [1, с. 116]). Только Пётр Петрович и разглядел в Миньке человека, а не просто «слесаришко». Вообще, личность Петра Петровича стоит как бы особняком в этом рассказе. Складывается ощущение, что он сам не понимает, как и зачем оказался на званом ужине. Пётр Петрович молча выпивает, слушает пустые пьяные разговоры. Вся эта пошлость его утомила, поэтому, «увидев, что подъём патриотизма вызывает появление новых бутылок», поспешил откланяться. Минька и его семья настолько запали в душу Петру Петровичу, что крафт символизирует для него гибель личности (не зря Пётр Петрович, покидая дом изобретателя, думает об искре Божьей «уже без доброй зависти, а с тоской, тяжёлой, как земля могильная...» [1, с. 123]) и ассоциируется со словом «крафты» – всё, конец семье Свистуновых.

Наконец, сам рассказчик, Александр Андреич, придерживается мнения, что «русский человек никогда не чувствует себя так высоко, светло, человечески разумно, как в роли совестного судьи, призванного самим законом совершать гражданское служение, безбоязненно мыслить, свободно меняться мнениями, открыто и независимо подавать свою задушевную лепту на благо общее...» [1, с. 110]. Он причисляет себя к людям «наиболее интеллигентным», чем крестьяне, мещане и купцы. Для Александра Андреича нет большей отрады, чем вершить правосудие, причём делает он это не столько для восстановления справедливости, сколько для своего развлечения. По сути, посиделки присяжных заседателей – проекция того самого ужина у директора. Обе компании во многом похожи – высокомерны и берут на себя роль распорядителей простых человеческих судеб, а крафт для них просто предмет обсуждений. Но для Александра Андреича крафт – ещё и счастливый билет в «судебной лотерее». «Слепая богиня правосудия упорно извлекала

билетики» с именами других присяжных заседателей и не давала Александру Андреичу возможность засудить кого-нибудь. А Пётр Петрович, рассказав приятелю всю историю, ждал его вердикта (он дал возможность снова вынести приговор): «Уж не различие ли по существу между русским человеком и «иностранцем»» – причина гибели кранта? Но и здесь крант оказался не у дел. Александр Андреич не успел ответить на вопрос коллеги, его, наконец, «вынули» и призвали разобраться в реальном деле, а не в этом кранте, тему которого он так и не смог закрыть.

Таким образом, мы видим, что с точки зрения своего «внутреннего устройства» рассказ «Крант» сам представляет собой некую «действительно чудную вещь», «крант», позволяющий смешать разные точки зрения и запирающий их все повисшим в воздухе вопросом Петра Петровича Б., остающимся без ответа рассказчика – Александра Андреича, удалившегося, чтобы «судить ближнего», и продолжающимся в читателе, который, по задумке автора, А. К. Гольдебаева, должен стать не тем, кто закроет этот «крант»-вопрос, а тем, кто, напротив, откроет его до предела и, может быть, отыщет свой ответ на вопрос «в чём причина?».

ЛИТЕРАТУРА

1. Гольдебаев А. К. Рассказы. Том 3. Санкт-Петербург: Издание М. И. Семёнова, 1911. С.109-125.

А.А. Оленина (Россия, Самара)

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ И ХРИСТИАНСКИЕ СЮЖЕТНЫЕ КОДЫ В КОМЕДИЙНОМ ТРИЛЛЕРЕ «Я ИДУ ИСКАТЬ» ('READY OR NOT', РЕЖ. М. БЕТИНЕЛЛИ-ОЛПИН, Т.ДЖИЛЛЕТ, 2019)

В статье проводится анализ картины «Я иду искать» с целью смысловой дешифровки организации повествования о свадьбе как о жертвоприношении. Автор рассматривает развитие действия как одновременную динамическую со-зависимую реализацию трех сюжетных потенций, две из которых связаны с мифологическими представлениями о свадьбе как инициации и жертвоприношении, а третья – с жертвой Иисуса Христа. Также приводится объяснение, почему разрешение конфликта произведения было возможным только в рамках полной реализации сюжета о свадьбе как инициации.

Ключевые слова: *невеста, жертвоприношение, свадебный обряд, инициация, Иисус Христос*

Согласно Арнольду ван Геннепу, вне зависимости от типа общества жизнь каждого человека обусловлена последовательными переходами от одного рода деятельности или возраста к другому, причем в обществах, где подобный переход является значимым событием, он проходит в форме особого обряда. Одним из самых важных структурных изменений личности, как в психоло-